

Б. М. КУСТОДИЕВ

(1878—1927)

Смерть значительного художника всегда вызывает помимо скорби об утрате человека еще особое чувство горечи о гибели целого мира образов, целой системы жизненного непонимания и его реализации, большого технического опыта, мастерства.

Сколько всяких жизненных наблюдений и творческих замыслов обрывается навсегда и сколько накопленного долгими годами работы умения гибнет

безвозвратно. Последнее особенно ощущаешь, как какую-то растрату природы, ибо каждому приходится опять зарабатывать это умение сначала.

Кустодиев умер еще в полном расцвете творческих сил, 49 лет, и с ним вместе оборвался специфический „кустодиевский“ мир образов, „рассейский“ кулацко-купецкий мир, с его полной чашей сытого довольства, изобилия, степенной и чванной осанкой, внешней, показной нарядностью быта, его праздничным разгулом, его масляничной балаганной пестротой и крикливостью, его сусальностью и лубочностью.

Мир этот в такой специфической национальной „истинно-русской“ окраске начал исчезать еще до революции постепенной европеизацией русской буржуазии.

Октябрьская революция вырвала у этого мира самую почву, а в обстановке НЭП'а появилась уже совсем иная буржуазия, с иными жизненными навыками и вкусами, и вот тот старый „рассейский“ мир оставался теперь лишь в памяти тех людей, которые к нему близко стояли и знали его во всей тонкости.

По своим семейным связям (со стороны отца—духовного звания, а со стороны матери—купецского) и по обстановке и впечатлениям детства (квартира во дворе богатого купца в Астрахани). Кустодиев впитал в себя эту специфическую атмосферу провинциального купецского быта, он любил ее, как любят свое детство, и продолжал любить до последних дней, как бы вспоминая с благодушной улыбкой и эстетическим сожалением о том, что было и ушло...

Для выражения этой атмосферы он постепенно выработал, особый иллюстративный полу-живописный, полулубочный язык, близкий к языку вывески. Этот стиль верно подсказало ему художественное чутье, потому что дух вывески с ее кричащим и зазывающим, гиперболически-аппетитным характером изображений разной снеди, пестрой мануфактуры и прочих товаров—как раз и

А. Е. АРХИПОВ

(к 40-летию художественно-общественной деятельности).

Такая веха на творческом пути, как 40-летие деятельности, казалось, должна была вести за собой известные переоценки и изменения во взглядах на художника, вывода его или из забвения, или подводя окончательные итоги его деятельности. Однако, ни того, ни другого нельзя отметить, оглядываясь на художнический путь Архипова.

Момент признания почти совпадает с появлением его первых картин. Такой собиратель, как П. М. Третьяков, покупает целый ряд его произведений, выставленных им на ученических выставках, вскоре после окончания Московского Училища Живописи, Ваяния и Зодчества в 1886—87 г.г. А попасть в Третьяковскую Галерею, особенно в то время, значило начать существование признанного художника.

есть дух того класса, для которого вывеска, внешняя добротность фирмы, играла столь важную роль.

В этом иллюстративно-вывесочно-лубочном показно-театральном стиле вся сила Кустодиева, как художника, в специфическом круге его наблюдений и воспоминаний его значение для истории русской жизни и культуры. Отсюда же его близкая связь с таким театром, который бичующие „темное царство“ пьесы Островского превращал в показ, в выставку старокупеческого быта и костюма.

О другой более слабой стороне творчества Кустодиева, как живописца-реалиста, мы не будем сейчас говорить, т. к. в краткой некрологической заметке и нет возможности дать полную характеристику художника. Сам он не раз говорил, что годы учения в передвижнической Академии Художеств и окружающая художественная среда не дали ему нужной живописной культуры и ее нужно было искать и завоевывать ощутую самому. „В классах, которыми руководили Творожников и Савинский, он не имел возможности вынести никаких определенных взглядов на сущность живописной работы, т. к. Творожников обычно все хвалили, а Савинского все избегали и, заслушав его шаги, бросали палитру и кисти, скрываясь куда-нибудь на время обхода“. „Репин также совсем не касался технических вопросов, тех возможностей, которое открываются при работе масляными красками; почти ни одним словом он не обмолвился о старых мастерах, о том, как они работали, в чем было чудо их искусства“ *).

Поэтому-то, бывая не раз за границей, Кустодиев проглядел многое из подлинной живописной культуры и, напр., из богатой плеяды современных французских живописцев нашел наиболее близким себе посредственного Ш. Коттэ **).

Это уже вина не самого Кустодиева, а беда всей художественной среды, которая его окружала—чуждой живописной культуре, графическо-иллюстрационной среды „Мира Искусства“, эстетически ретроспективным стилизующим духом которой был заражен еще со школьной скамьи и Кустодиев.

Анализ этой живописно-реалистической полосы Кустодиевского творчества мы откладываем до его посмертной выставки, которую, надо надеяться, устроит в ближайшем времени Русский Музей.

Прикованный в течение 10 лет тяжелой болезнью (паралич ног) к креслу, Кустодиев продолжал, однако, работать с неослабной энергией и поражавшей всех знавших его бодростью духа, сделав при этом много крупных и по размерам работ, что представляло непреодолимые физические трудности.

Много работал он и для театра (последние его постановки „Блохи“ в Москве и Ленинграде), над книжной иллюстрацией, в частности над литографией. Последние же два года отмечены рядом опытов по ксилографии (гравюра на дереве), образцы которой выставлены сейчас на выставке ксилографии за 10 лет в выставочных залах Русского Музея. Художник внес и сюда свои типичные „Кустодиевские“ черты и, думается, в этой чисто иллюстрационной области и в ином материале мог бы сделать особенно много интересного, если бы смерть не оборвала этой работы в самом ее начале.

ВЛ. ДЕНИСОВ

*) В. Воинов. Монография о Кустодиеве. Госиздат 1925 г. стр. 16.

**) Там же стр. 48.

Ранние опыты Архипова еще всецело лежали в плоскости „передвижничества“, и „передвижники“ скоро оценили Архипова. Уже через 4 года после его первого выступления, в 1890 г., А. Е. становится полноправным членом Т-ва и его картины: „На Волге“, „По реке Оке“, „Перед обедней“, позднее знаменитые „Прачки“ появляются на Передвижных Выставках.

Происходя из крестьянской семьи и сохраняя во всю свою жизнь крепкую связь с деревней, с народом, среди которого он вырос, и окружающей его природой, Архипов сумел высмотреть и передать в своих произведениях то, чего не передали передвижники в своих картинах из жизни того же народа. Изображению радостного в жизни, откровенному любованию крепким, бодрым, народом, могучим в его красочной красоте, посвящено в сущности все творчество жизнелюбивого художника, и в этом лежит основная индивидуальная черта его творчества в передвижнический период.

ТЕАТР и РАБОЧИЙ ЗРИТЕЛЬ

Еще до недавнего сравнительно времени вопросам театра провинциальной общественностью и, в частности, провинциальной печатью уделялось очень мало внимания. Театральная жизнь окраин текла самотеком. Попыток ввести этот поток в определенное идеологическое русло, за редкими исключениями, почти не замечалось.

„Жизнь Искусства“ неустанно твердила о необходимости обратить пристальное внимание на состояние театрального рынка. Упорно и настойчиво мы вели борьбу против халтуры, разлитым морем охватывавшей провинцию. Мы объявили решительную кампанию против мешанства, просачивавшегося во все поры провинциального театра. Всеми силами мы приветствовали и пропагандировали новые организационные формы театра, имеющие целью приблизить его к рабочим массам. Наконец, мы вели определенную линию за советизацию театрального репертуара, за подчинение его требованиям современности.

Сейчас мы можем констатировать, что вся эта работа не пропала даром. Наш голос не оказался „голосом вопиющего в пустыне“. Лучшие силы советской общественности сгруппировались в обсуждении вопросов театра. На театральный участок художественного фронта обращено самое деятельное внимание. Поднявшаяся волна усиленного интереса к вопросам театрально-зрелищной политики завершилась созывом при Агитпропе ЦК ВКП (б) специального совещания, вынесшего ряд руководящих положений на основе огромной подготовительной работы, проделанной не только центральными, но и местными государственными, партийными, профсоюзными, литературными и театрально-общественными организациями и объединениями.

Проведенная мобилизация советской общественности вокруг вопросов о театре богата неисчислимыми последствиями. Несомненно, что в жизни советского театра наступил новый период,—период идеологического и организационного его переустройства.

Некоторым показателем начавшейся новой эры в жизни советского театра служит оживление театральных отделов провинциальной

ежедневной печати. Просматривая вороха окраинных газет, поступающих в редакцию, теперь все чаще и чаще встречаешь обстоятельные заметки, большие статьи и даже целые фельетоны, посвященные актуальным вопросам местной театральной жизни. В качестве примера укажем на дискуссии о театре, проведенные иваново-вознесенской газетой „Рабочий Край“ и томской—„Красное Знамя“. Характерно и в высшей мере показательно, что дискуссии эти не остаются в плане исключительно лишь газетного теоретического обсуждения: они тесно увязаны с практикой жизни, с тем, чем живут и что дискусируют в местных культурных организациях. Так, в томском „Красном Знамени“ мы читаем:

Казалось, что сейчас, когда закончился театральный сезон, когда клубы переходят на летнюю массовую работу,—говорить о качестве работы театра и клубов едва ли будут. На деле же на совещание, специально созванное культотделом ОСПС, собралось много культработников, и прошло оно очень оживленно. Перед совещанием стояла задача: определить состояние художественной работы в клубах, выявить, насколько театр был близок рабочим, и наметить пути для улучшения художественной работы.

Газета живо откликается на волнующую местную общественность тему и ставит „на широкое обсуждение“ (еще не закончившееся; почему и мы пока ограничиваемся одним констатированием факта открывшейся дискуссии) ряд вопросов, сущность которых может быть сведена к следующему: какой театр нужен рабочему и как приблизить театр к рабочему?

Эти факты ясно показывают, что общественная мысль пробуждена и что она живо заинтересована будущим советского театра. Такая ситуация должна быть энергично использована провинциальной печатью и именно теперь, когда начнется подготовка к будущему театральному сезону. Подытоживая достижения и промахи истекшего театрального года, сейчас вполне возможно наметить новую линию, которая должна отметить работу театров, встречающих предстоящей зимой десятилетие Октябрьской Революции. К десятой годовщине диктатуры пролетариата театр должен быть максимально приближен к рабочему зрителю.

944973

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА

ОТД. ИСКУССТВА И
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ
ПРОДУКЦИИ

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов